

A black and white photograph of a woman with her hair styled in a bun, wearing a dark, heavy coat and a patterned skirt. She is standing on a balcony with a metal railing, looking towards the camera with a slight smile. In the background, a dense urban landscape is visible, featuring several tall buildings and a prominent structure with a star-shaped sign on its roof. The word "CAPITOL" is visible on one of the buildings. The overall scene suggests a historical or travel-themed setting.

СЕРИЯ
“ЧУЖЕСТРАНЦЫ”

НАТАЛИЯ ИЛЬИНА

Дороги
и судьбы

Искусство
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Наталья Ильина

Дороги и судьбы

Серия «Чужестранцы»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/68756397>

Н. И. Ильина. Дороги и судьбы: ООО «Издательство АСТ»; Москва;

2022

ISBN 978-5-17-148000-4

Аннотация

<p>В книге “Дороги и судьбы” отражен весь XX век. Наталья Ильина (1914–1994) родилась в Петербурге, в семье царского офицера и дворянки из рода Воейковых, после революции семья эмигрировала в Харбин; в 1947 году в числе репатриантов Ильина вернулась в Россию, где стала известным прозаиком, но всю жизнь вынуждена была отвечать на вопрос: “Почему вы вернулись в Россию?” С редкой откровенностью и горькой самоиронией Наталья Ильина пишет об истории семьи, харбинской и московской жизни, обстоятельствах возвращения в СССР из Китая, встречах с Александром Вертинским, Анной Ахматовой, Корнеем Чуковским и о супруге, известном лингвисте Александре Реформатском.</p><p>Книга дополнена новыми материалами – воспоминаниями членов семьи Натальи Ильиной.</p><p>
</p><p>В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.</p>

Содержание

Предисловие	5
“Дядюшка профессор” и дядя Александр Дмитриевич	17
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Наталья Ильина

Дороги и судьбы

© Ильина Н. И., наследники

© Жобер В. П., вступительная статья

© Бондаренко А. Л., художественное оформление

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Предисловие

Имя Наталии Ильиной хорошо было известно советскому читателю последних трех десятилетий существования Советского Союза, причем людям самых разных возрастов. Каждая ее публикация вызывала многочисленные отклики – об этом свидетельствуют сотни писем, отправленных ей со всех концов СССР. Нынешнего читателя необходимо познакомиться с ее удивительной судьбой. Ильина умерла в самом начале 1994-го, через два с небольшим года после распада СССР. Она была чуть ли не первой и единственной, затронувшей тему русской эмиграции в Китае, когда в настоящее время этой теме посвящены многочисленные публикации, исследования и конференции.

Наталия Ильина родилась в Санкт-Петербурге в мае 1914 года за несколько месяцев до начала Первой мировой войны, сыгравшей роковую роль для всех стран Европы и в первую очередь для России. А ее младшая сестра, Ольга, родилась уже в Петрограде в самый разгар Февральской революции. Их родители, симбирские дворяне, сочувствовавшие кадетской партии, приветствовали Февральскую революцию 1917 года. Дальнейший ход событий, увы, не оправдал их надежд. Бабушка Ольга Александровна Воейкова с дочерьми Катей и Марой и четырьмя малолетними внуками встретила Ок-

тябрьскую революцию в родовом имении Самайкино Симбирской губернии. Отец, Иосиф Сергеевич Ильин, офицер царской армии, в трудных и весьма опасных условиях, царивших в разлагавшейся армии, покинул свою часть на Юго-Западном фронте в Житомире, где он работал инструктором в школе для прапорщиков, и сумел воссоединиться с семьей.

В июне 1918 года И. С. Ильин, остро и рано осознавший опасность, грозившую семье, да и всем дворянам и помещикам, принял решение срочно уехать с семьей в Самару, где обосновался Комуч (Комитет учредительного собрания). Там собирались силы, пытавшиеся противостоять большевикам. Настояв на немедленном отъезде семьи, вопреки мнению и желанию многих родных, он спас свою семью. Оставшиеся же в соседнем имении Репьевка их родственники из семьи Мертваго были убиты на следующий день после отъезда Ильиных.

Осенью 1918 года семья Ильиных вслед за белой армией Колчака двинулась на восток. Начались долгие скитания по Сибири, в вагонах, в случайно снятых квартирах. В Омске мать Наталии Иосифовны заболела тифом и чудом спаслась, была эвакуирована в вагоне Американского Красного Креста. После окончательного разгрома белой армии и казни Колчака в Иркутске Ильины бежали дальше на восток и в конце концов обосновались в Китае – в Маньчжурии, в Харбине. Это был уникальный русский город, возникший в Китае в конце XIX века в связи со строительством Китай-

ско-Восточной железной дороги (КВЖД).

В феврале 1920 года вся семья Ильиных вместе с няней оказалась в Харбине. На этом кончается весьма интересный и подробный дневник Иосифа Сергеевича, начатый в 1914-м. Эти воспоминания сохранились. Он их передал в 1938 году в “Пражский” архив эмиграции, а сейчас они находятся в ГАРФе. В 2016-м вышла наконец книга “Скитания русского офицера”.

Итак, с 1920 года для Наталии Ильиной начинается новая жизнь в эмиграции, в далеком Китае. В Харбине прошли ее детство и юность в русской среде. Она училась в русской школе, где образование было таким же, как в России. В городе издавались русские газеты и журналы, на гастроли приезжали знаменитые русские певцы и актеры. Харбин считался русской столицей Азии, так много в нем проживало русских. Это были не только беспаспортные белоэмигранты, к числу которых принадлежала семья Ильиных, но и многочисленные русские, приехавшие строить КВЖД, торговцы, предприниматели, поселившиеся там до революции. Могло казаться, что это уголок России, куда в двадцатые годы в своем большинстве еще надеялись вернуться белоэмигранты.

В тридцатые годы обстановка резко изменилась. Во-первых, из-за развода родителей в 1930 году жизнь девочек Ильиных, Наталии и ее сестры Ольги, становилась все тяжелее. Отец не помогал семье, непрактичная мать пробивалась переводами, разными уроками, чтобы вырастить своих до-

чек, но вечное безденежье угнетало. Затем вторжение японских войск в Маньчжурию и создание марионеточного государства Маньчжоу-Го сделало существование русских в Харбине весьма проблематичным. Остро чувствовались бездомность, безнадежность этой эмигрантской жизни.

В конце 1936 года Наталия Ильина навсегда покинула Маньчжурию. Как и многие ее русские сверстники, она поехала в Шанхай, где тоже жила крупная русская колония, а главное, было больше возможностей найти работу.

Здесь тоже пришлось перебиваться случайными заработками, в частности в разных газетах, русскоязычных изданиях, как “Шанхайская Заря”, в которых будущая писательница писала короткие очерки, фельетоны под разными псевдонимами, например Мисс Пэн, и даже завоевала себе некоторую достойную репутацию. Но именно в Шанхае не только она, но и ее близкие друзья, братья Лундстремы, Виталий Серебряков, Юра Сдобников, Николай Щёголев по-настоящему ощутили всю безнадежность эмигрантского существования.

Гражданская война в Китае, а затем нападение Японии на Китай, разразившаяся между ними война, естественно, усложнили и без того трудную жизнь для русских, не имевших надежного тыла, как другие иностранцы, например французы и англичане, которые жили в иностранных концессиях Шанхая и всегда могли вернуться на родину.

С началом Второй мировой войны в 1939 году в Европе,

Великой Отечественной в 1941-м в СССР, русское население Шанхая делится на два лагеря. Наталия Ильина, как и ее уже упомянутые близкие друзья, осознавшие, что “Родина в опасности”, стремятся ее защитить и охотно внимают пропаганде советского консульства в Шанхае. Многие принимают советское гражданство. В 1946 году создаются Общество граждан СССР в Шанхае, Союз возвращенцев, Советский спортивный клуб. Наталия Ильина, как и ее мать, принимает советское гражданство.

В эти годы Ильина активно работает журналистом. Она становится членом Объединения советских журналистов и литературных работников при Обществе граждан СССР, сотрудничает с газетой “Новая жизнь”, служит в 1944–1945 годах в шанхайском отделении ТАСС. В 1946-м в Шанхае выходит в свет книга “Иными глазами”, где собраны фельетоны, написанные ею с 1942 года в просоветски настроенных газетах.

И вот 30 ноября 1947 года, вслед за своими друзьями, Наталия Ильина отправляется в СССР с пятой и последней группой репатриантов на советском пароходе “Гоголь” в Находку. Оттуда ей посчастливится попасть в Казань, где ее ждут друзья Лундстремы. Там она будет работать стенографисткой в разных советских учреждениях, одновременно готовясь в 1948 году к вступительным экзаменам в Литературный институт имени Горького. Первый год она будет учиться в нем заочно, а затем переедет в Москву. Диплом получит 14

ноября 1953 года с присвоением квалификации литературного работника. Ее мечта стать русским писателем сбудется. В первые годы жизни в столице она пишет фельетоны в журнале “Крокодил” и одновременно роман на “заданную тему” “Возвращение” (первая часть выйдет в 1957-м). “Возвращение” было также темой ее дипломной работы, за которую она получила отметку “отлично” в Литературном институте. Это позволит ей 15 января 1958 года вступить в Союз писателей, без которого путь в советскую литературу был бы ей закрыт, и закрепиться в Москве, куда в 1954-м вернется из Шанхая ее мать, Екатерина Дмитриевна Ильина.

Только в 1961 году впервые приехала из Парижа в Советский союз ее сестра Ольга с дочерьми. С ней Наталия Ильина рассталась в 1942 году, а теперь познакомилась со своими племянницами Вероникой и Катей.

В шестидесятые годы Наталия Ильина становится популярным писателем-сатириком, пишущим острые фельетоны, высмеивающие советский быт. Но после смерти матери в 1965-м она переходит к новому жанру – автобиографической прозе. Ее встречи, знакомство и дружба с незаурядными личностями, благодаря которым она по-новому смотрит на окружающую ее действительность, становятся материалом для рассказов, публиковавшихся в таких толстых журналах, как “Октябрь”, “Знамя”, “Новый мир”. Семейный архив, унаследованный от матери, с которым она постепенно

знакомится, также послужил темой ее новых публикаций.

“Дороги и судьбы” – это не мемуары (Наталья Иосифовна вообще не жаловала этот термин), а автобиографическая, в какой-то мере исповедальная проза, которая позволяет лучше понять трагическую судьбу русских эмигрантов.

Что побудило ее вернуться на родину в конце 1947 года? Бездна эмигрантского беспаспортного существования сыграла несомненно большую роль в ее решении. Но к этому надо добавить ее литературное призвание. На вопрос “С чего начинается родина?” она твердо отвечала “С языка”. Этим и объясняется ее твердое решение поступить во что бы то ни стало в Литературный институт.

Поехала она в Советский Союз, как и ее друзья, полная надежд, готовая смотреть на все сквозь розовые очки, позже она сама будет говорить о тогдашнем своем “лучезарном отношении к окружающему”. И ей понадобится немало лет, чтобы отрезветь и вникнуть в суть происходящего вокруг. В этом ей помогли незаурядные личности, с которыми она познакомилась уже в Советском Союзе, в своей автобиографической прозе она им посвятит отдельные главы. Это, в частности, ставший ее мужем профессор Реформатский. Смена убеждений проходила долго и мучительно. “В душе моей шла переоценка ценностей”, – пишет она. Она вспоминает, как продолжала думать, что Ахматова и Пастернак “оторвались от жизни, <что> их стихи эпохе не созвучны”, но смущал тот факт, что Реформатский их считал лучшими поэта-

ми России. Она многому удивлялась, была наивна, ее товарищи по Литинституту даже ее сторонились, настолько она себя порой неосторожно вела. В пятой группе репатриантов, в которую она попала, со свойственной ей энергией и резкостью она активно занималась политагитацией среди тех, кто впадал в уныние и критически относился к суровой действительности, с которой они столкнулись, как только высадились из корабля в Находке. Вместе со своими шанхайскими друзьями-репатриантами она пыталась вписаться в окружающий мир. Они все отказывались “хныкать”, правда, не все доходили до фанатизма Юрия Сдобникова. В книге, изданной в Москве в 2004 году к десятилетию со дня смерти Наталии Ильиной “И только память обо всем об этом...” Олег Лундстрем напишет о ней воспоминания и даст своему рассказу следующее название: “Почему мы не стали нытиками...”.

Перечитывая свои письма к матери, написанные из Советского Союза в Шанхай, где та оставалась до 1954 года, Наталия Иосифовна искренне удивлялась своему тогдашнему непониманию, ей даже плохо верилось, как это она могла писать такие восторженные письма. Видимо, она не столько оглядывалась на цензуру, сколько самоубеждалась, дабы не потерять окончательно надежду, да еще успокоить мать. Ведь надо было за что-то держаться и надо было выписать мать из Шанхая.

Попав в Казань, чтобы начать новую, советскую жизнь,

Ильина должна была не впадать в отчаяние, самоуверяя себя каждую минуту о правильности своего выбора. В главе “Моя неведомая земля” из книги “Дороги и судьбы” она приводит свои первые впечатления в Казани и выписывает цитаты из своих тогдашних писем матери. Ее поражает увиденное, когда она попадает в Москву и в Ленинград. Чувство причастности к своему народу и искренний патриотизм сыграли, конечно, огромную роль в ее судьбе и объясняют избранную ею дорогу.

Недаром, как мне кажется, именно эту главу выбрала профессор Адель Баркер, чтобы включить ее в вышедшую в 2010 году в Америке антологию русских текстов *The Russian Reader*. Патриотизм русского человека, воспитавшегося на русской литературе, неизбежно побуждает найти свое место среди своих, а не чужих. Этим и объясняется возвращение многих эмигрантов в Советский Союз.

На самом деле в 1957 году (когда выходит первая часть ее романа “Возвращение”) она уже многое поняла. В ее архиве нашлись записи, сделанные ровно через десять лет после ее приезда в Советский Союз. Именно эти записи послужили канвой для оказавшейся последней главы ее автобиографической прозы. Эта публикация, уже посмертная, называлась “Тихий океан” и вышла в “Вопросах литературы” в январе 1994 года после смерти Ильиной. Перестройка, новая Россия, внезапная возможность говорить всю правду оказались мощным толчком для нового переосмысления пройденного

пути. Ее поездка в Америку в университет, куда ее пригласили читать лекции, стала поводом для написания “Тихого океана”. Очутившись на другом, американском берегу океана, с которого начался ее путь на родину почти пятьдесят лет назад, она возвращается к этим годам, и в частности к своим записям 1957-го.

В последнее полное издание автобиографической прозы Наталии Ильиной 2014 года включена глава “Тихий океан”. На самом деле, это должно было стать не последней, а скорее первой главой нового цикла автобиографической прозы, который она хотела назвать “Второе возвращение”, но не успела написать.

В архиве Наталии Иосифовны оказалось много интересных документов, с которыми стоит ознакомить читателя. Они удачно дополняют то, что она успела издать при жизни.

В главе “Третье поколение” Наталия Иосифовна Ильина приводит отрывки из воспоминаний своей двоюродной сестры Муси, умершей от чахотки в двадцать лет. “Мусины воспоминания” – это несколько машинописных страничек, потерявшихся в богатом семейном архиве, который мать Наталии Иосифовны сумела привезти из Шанхая в Москву. Е. Д. Воейкова в апреле 1954 года пишет дочери: “Вот Мусины [воспоминания] мне бы хотелось до тебя довести. Талантливо она описывает свое детство.

Бедная наша Мусяка”.

Наталия Иосифовна не могла простить отца, который бро-

сил семью в 1930 году и больше никогда не помогал им. Несмотря на настойчивые уговоры сестры, она не хотела отвечать на его письма, присланные из Швейцарии, где он поселился в 1956 году. Только после его смерти в 1981 году, разбирая в очередной раз семейный архив, найдя детские свои письма отцу, она написала главу автобиографической прозы и о нем. Это вышло впервые в 1987 году в журнале “Октябрь”. В настоящем же сборнике публикуется также трогательный рассказ Иосифа Сергеевича Ильина “Апа”, посвященный в 1926 году дочерям Наталии и Ольге.

Последняя же глава “Тихий океан” дополняется неопубликованными прежде архивными материалами. “Десять лет спустя” – это записи, сделанные в 1957 году.

Кроме того, в ее архиве нашлись черновые записи на семи разрозненных листах, напечатанных на оборотах, со множеством рукописных пометок. На последней странице объяснение: “Я написала эту *предысторию*, чтобы было понятно, какие у меня были настроения”.

Наталию Ильину в последние годы ее жизни, в разгар гласности и перестройки, очень раздражали недоуменные вопросы, непонимание молодых журналистов, бравших у нее, как и у других репатриантов, интервью. В 1988 году в журнале “Огонёк” вышла ее статья под названием “Здравствуй, племя младое, незнакомое”, имевшая тогда большой резонанс и не потерявшая актуальности по сей день. В ее архиве хранятся десятки писем читателей, бережно сложенных в одной

папке.

Писательница, встретившая с большой надеждой крах коммунизма и развал Советского Союза в 1991 году, готовилась написать продолжение автобиографии. Она должна была называться “Второе возвращение” и осветить ее жизненный путь для тех поколений, которые плохо разбираются в сложных исторических потрясениях XX века.

Как известно, писательница не успела осуществить свою мечту, занимавшую ее последние годы. Очень хотелось бы, чтобы эта новая публикация в какой-то мере восполнила этот пробел.

Вероника Жобер (Véronique Jobert)

Июнь 2022

“Дядюшка профессор” и дядя Александр Дмитриевич

Трудно себе представить двух людей, столь не похожих друг на друга, как мой прадед Иван Федорович Воейков и его старший брат Александр.

Иван Федорович был смолоду на военной службе, в чине полковника дрался на Отечественной войне 1812 года, а затем, оправившись после тяжелого ранения, вышел в отставку, занялся хозяйством. Хозяйствовал умело. В родовом имении Самайкино (около Сызрани) и в подмосковной усадьбе Аннино-Знаменское (около Рузы) основал суконные фабрики. Связи с правительственными кругами (Воейковы – род старинный, дворянский) обеспечивали казенные заказы, и фабрики давали хорошие барыши. Был затем прадедом открыт и асфальтовый завод в местечке Батраки, там же на Волге. Отцовское наследство Иван Федорович не промотал, приумножил. По характеру домосед, спиртного в рот не брал.

Брат же его Александр Федорович, литератор, автор знаменитой в те времена сатиры “Дом сумасшедших” (цензурой не пропущенной, ходившей в списках), был и пьяница, и картежник, и мот. Обманщик к тому же. Решив жениться на Александре Андреевне Протасовой (любимая племян-

ница Жуковского, Светлана в его известной балладе), Александр Федорович скрыл от семьи невесты, что успел промотать большую часть отцовского наследства. Женившись, начал мотать приданое жены и так в этом преуспел, что жить было уже не на что, пришлось искать службу.

При помощи Жуковского Александр Федорович получил должность профессора в Дерпте (ныне Тарту), но к лекциям готовиться ленился, со всеми переругался (характер, по общим отзывам, прескверный!) и всем задолжал. Хотел было из Дерпта сбежать, но кредиторы не пустили. Выручил его деньгами и поручительством брат Иван.

Беспутный Александр Федорович так утешал своих дочерей: “Я вам ничего не оставлю, но у вас есть богатый холостой дядюшка!” Этих корыстных надежд Иван Федорович не оправдал. Чуть не шестидесяти лет от роду женился на дочери сенатора Дмитрия Борисовича Мертваго Варваре, и брак этот бездетным не был: один за другим родились два сына – Александр и Дмитрий.

В семейном альбоме я нахожу лишь две фотографии моего деда Дмитрия Ивановича. На одной это еще совсем молодой человек, темноволосый, кареглазый, с пухлыми губами, слабым подбородком и добродушно-задумчивым выражением лица. На второй Дмитрий Иванович снят с двумя своими средними детьми (детей было шестеро) – Димой и Катей. Кате года полтора, она у отца на коленях. Диме года четыре, стоит, держась за поручень кресла (кресло старин-

ное, низкое, в чехле с бахромой), прислонился головенкой к плечу отца. Здесь Дмитрию Ивановичу уже за сорок. Так же откинута назад темные волосы, открывая высокий лоб, но пухлые губы скрыты усами и бородой, в глазах усталость.

Я мало знаю о своем деде, он умер, когда матери моей было всего девять лет, и сведения о нем я черпаю сейчас из книги А. Тимашева, посвященной А. И. Воейкову¹. Там сказано, что младший брат знаменитого климатолога учился в Германии, затем служил в Петербурге, дойдя до чина действительного статского советника, и одновременно занимался журналистикой: писал статьи по экономическим вопросам в газете “Русь”, издававшейся славянофилом Иваном Сергеевичем Аксаковым. В справочниках того времени Д. И. Воейков назван “экономистом”.

Дмитрий Иванович придерживался более либеральных взглядов, чем Аксаков, высказывался за всеобщее наделение крестьян землей, за укрепление земств и против расширения “области казенного хозяйства”.

А еще в своих статьях Дмитрий Иванович клеймил взяточничество и злоупотребления, утверждал, что в России не умеют или не желают ничего толком организовывать, с горечью восклицая: “Мы ухитряемся голодать чуть ли не на пристанях, заваленных хлебом!”

Выйдя в отставку, он поселился с семьей в Самайки-

---

¹ Тимашев А. Воейков. М., 1957. – Здесь и далее примечания автора (если не указано иное).

не, мечтая посвятить себя хозяйственно-предпринимательской деятельности. И ничего-то из этих мечтаний не вышло! Предприятия его лопались, хозяйство не приносило доходов. А ведь было огромное имение (11 тысяч десятин!), суконная фабрика, асфальтовый завод – богатство! Но во время хозяйствования “экономиста” Дмитрия Ивановича асфальтовый завод работал в убыток, неблагополучно обстояло дело и с фабрикой. Ее Дмитрий Иванович вскоре продал богатому купцу Акчурину, и мне почему-то кажется, что фабрика, занимавшая, кстати, самую плодородную часть имения, Акчурину приносила отличные доходы: был конец века, на смену Раневским шли Лопахины...

Не унаследовал Дмитрий Иванович хозяйственной жилки отца! Но, как отец, всю жизнь трудился, был примерным семьянином, домоседом, спиртного в рот не брал. Умер рано, едва дожив до пятидесяти трех лет. Вдова его, моя бабушка Ольга Александровна, осталась с шестью детьми в возрасте от шести до шестнадцати лет и огромным хозяйством, хозяйством запущенным, в долгах. Пришлось ей возиться с банками, векселями и прочими делами, к которым приучена она не была. И тут на помощь пришел брат ее покойного мужа – Александр Иванович.

В скитальческой судьбе моей матери, в этих вечных переездах с квартиры на квартиру в Харбине, в Шанхае, наконец – в Москве, менялся пейзаж за окном, менялись стены, мебель, столы, но на этих сменяющихся столах неизменными

оставались две фотографии – Ольги Александровны и Александра Ивановича Воейковых. Обе открыточного размера, обе в одинаковых деревянных рамках – они сейчас у меня, на моем столе, всегда перед глазами.

Александр Иванович, прозванный воейковской няней “дядюшка профессор”, заменил моей матери, ее братьям и сестре отца. Он скончался в 1916 году, и я его, значит, должна была видеть, но, разумеется, как бы и не видела, не помню совсем. На фотографии он сидит в деревянном полукресле, нога на ногу, крупная высоколобая голова с лысиной, окруженной нимбом светлых летящих волос, слегка откинута... Нос с небольшой горбинкой, губы закрыты усами, слившимися с бородой, а глаза за маленькими круглыми стеклами старинных очков с длинными дужками устремлены куда-то вдаль... Мне, всю жизнь знающей эту фотографию, нелегко увидеть ее свежим глазом, но я убеждена, что каждый, взглянув на эту фигуру, на эту голову, даже на эту позу, скажет: ученый, чудак, бессребреник.

За пятьдесят один год своей научной жизни Александр Иванович опубликовал около 1400 работ – книг, статей, рефератов, рецензий, заметок, в их числе не менее 400 крупных произведений, из которых главное “Климаты земного шара и в особенности России”. Одни названия его трудов занимают более 60 страниц печатного текста. За последние пять лет жизни, шагнув уже в восьмой десяток, Александр Иванович опубликовал 95 работ.

Я их не читала, говорить об ученых заслугах Александра Ивановича не могу. Но тут и без меня все сказано: о первом русском климатологе написано много сочинений. Все они специальные, моему пониманию не доступные. Но есть книга, упомянутая выше, где автор А. Тимашев популярно рассказывает о Воейкове и как об ученом, и как о человеке.

Опираясь на эту книгу, а также на неопубликованные записки моей матери, я попытаюсь дать ну не портрет, а хотя бы карандашный набросок фигуры “дядюшки профессора”, человека удивительного и очень, мне думается, русского...

Мать пишет: “А. И. Воейков, так же как и друг его Д. И. Менделеев, не был академиком... И вообще в царской России дядюшка профессор пользовался куда меньшей известностью, чем наш дальний родственник В. Н. Воейков, ничем не отличившийся, кроме своей близости ко двору Николая II”.

Все почести, вся слава – памятник, село и обсерватория, названные именем Воейкова, и пролив в архипелаге Курильских островов, и ледник на Северном Урале, тоже его имя носящие, – все это пришло к Александру Ивановичу лишь после смерти, что, видимо, обычно для наших широт, где, по слову Пушкина, “любить умеют только мертвых”.

Как бы, вероятно, изумился своим посмертным почестям этот скромнейший, деликатнейший человек, при жизни своей даже академиком не ставший и избранный в члены-корреспонденты лишь на шестьдесят девятом году жиз-

ни. Писал, изобретал, делал открытия, путешествовал, учился, учил других, помогал всем, кому мог, взвалил на свои плечи огромную семью брата, а сам жениться не успел...

Тимашев пишет: “В девяностых годах Дмитрий Иванович серьезно болел... Когда он умер, Александр Иванович перевез из Самайкина в Петербург вдову брата Ольгу Александровну и шестерых детей. Снял большую квартиру...”

“Дядюшка профессор (пишет моя мать) жил на Васильевском острове в уютной квартирке. Все заботы его лакея Александра и кухарки Татьяны были направлены на то, чтобы как можно лучше организовать жизнь профессора. Но вот в 1896 году умирает его единственный брат, мой отец. Дядя не колеблясь решает бросить свой налаженный быт (утренние занятия, вечерние беседы с друзьями учеными – дядя любил принимать у себя гостей!) и, наняв большую квартиру, собирает под этим кровом осиротевшую семью. Я очень помню апрель 1897 года, когда в нашем деревенском доме только и было разговоров о предстоящем переезде в Петербург. Соседи-помещики советовали матери остаться в Самайкине, девочек отдать в институт, мальчиков – в корпус. Но письма дяди были настойчивы. Он считал, что семья должна жить вместе. И он, мне кажется, не хотел, чтобы племянники его учились в закрытых учебных заведениях...

И вот осенью того же 1897 года мы очутились в десятикомнатной квартире на третьем этаже дома Анрепа (Лиговка, 3). Напротив – большое здание евангелической больницы.

цы, где за окнами проплывали белые крахмальные чепцы лютеранских сестер милосердия, а в половине девятого утра раздавался звон церковного колокола. Из нашей квартиры был также виден Озерной переулок и поодаль – гимназия Я. С. Гуревича, куда поступили мои братья Александр и Дмитрий”.

“Стало шумно и людно. Создавалась трудная обстановка для научных занятий”, – сухо сообщает Тимашев.

“Шесть человек детей, гувернантка, учителя, – пишет моя мать. – Куклы, забытые девочками на столе профессора, шумные игры, а подчас и баталии мальчиков. Дядюшка переносил все это с ангельским терпением... Когда мы подросли, для нас дважды в год устраивались вечера. Спальни превращались в гостиные, большая гостиная очищалась от мебели, по стенам расставлялись взятые напрокат золоченые стулья, в кабинете дяди ставили столы для ужина родителей – в те годы молодые девушки ездили на вечера только в сопровождении старших... Собиралось до восьмидесяти человек, танцевали до трех утра. Дядя заранее узнавал о том, когда предполагается фестиваль, и скрывался на свою дачку в Финляндии, в Мецекюля (ныне Рощино). Скромный домик этот стоял на пригорке и был окружен сосновым лесом. Неподалеку – дачи профессора Бехтерева, профессора Введенского, профессора Лебедева, а дальше, по Черной речке, – Леонида Андреева и семьи Лозинских. Меня, помнится, беспокоило, что все эти дачи носили громкие имена (профессор Ле-

бедев, например, назвал свою виллу Бориваль, а доктор Шапиров – Лауторанто), и я все приставала к дяде, предлагая для его дачи звучное, казавшееся мне очень красивым название Изобары, но дядя как-то отмалчивался... Купил он этот дом, чтобы иметь тихое убежище, но во время зимних и весенних каникул туда врывались мы, племянники, и убежище сразу переставало быть тихим... Но никогда не только слова упрека, но даже – недовольного лица. Самое удивительное, однако, вот что... Лишь после кончины дядюшки нам стало известно, что он нанимал комнату на Малой Итальянской (ныне улица Жуковского) и с утра уходил туда, взяв книги. Мы-то были уверены, что он занимается в университете, и понятия не имели, что рабочий его кабинет тут же, рядом, недалеко от нашей квартиры...”

У Тимашева читаю: “На похоронах Воейкова к Ольге Александровне подошла какая-то старушка: «Куда отвезти вещи и книги Александра Ивановича?» – «Какие книги?» – «Да ведь он много лет снимал у меня комнату и почти каждый день приходил туда заниматься»”.

Ни приказывать не умел этот человек, ни распоряжаться, ни тем более упрекать. Изъяснялся в форме полувопросительной, в наклонении условном... “Не находите ли вы, что ваша статья очень бы выиграла, если б к ней добавить некоторые мысли?” “Как бы вы отнеслись (спрашивал он подчиненного) к возникшей у меня мысли командировать вас на некоторое время туда-то?” К студенту, провалившемуся на

экзамене, обращался как к ученому-коллеге: “Я хотел бы еще раз встретиться с вами, чтобы побеседовать на затронутые сегодня темы”. Полагаю, что слова эти Александр Иванович произносил голосом смущенным, стыдясь неудачи студента больше, чем сам студент...

Подмосковной усадьбы Аннино-Знаменское не было уже давно: ее Александр Иванович продал, когда понадобились деньги на трехлетнее путешествие по двум Америкам, Северной и Южной, и по Азии. Продав, уехал. А в сарае остались лежать вещи, в продажу не входившие: старые портреты, серебряная посуда, столовое белье. “Так все и пропало, – говорит моя мать, – дядя уехал и забыл, а отец тоже был чем-то занят и тоже забыл...”

И это сыновья хозяйственного Ивана Федоровича!

В 1906 году женится старший племянник Александр, и “дядюшка профессор” несет в столовую свои громадные географические атласы и вместе с племянником тратит вечер на обдумывание маршрута свадебного путешествия молодых, а затем вручает большую сумму денег на оплату этого путешествия.

Моей матери, тогда курсистке-бестужевке, захотелось взять абонемент на вагнеровские оперы в Мариинском театре. Услыхав об этом, Александр Иванович бежит в свой кабинет, приносит кошелек, дает нужную сумму. На другой день Ольга Александровна говорит ему: “Смотрите, Саша, сколько золотых монет Марфуша нашла на полу в гостиной!”

А ведь девочка только что из деревни, могла бы соблазнить-ся, скрыть их, я не хочу, чтобы она испортилась в городе!”

“Дядюшка профессор, – пишет моя мать, – смущен был чрезвычайно. И сколько он так рассыпал монет по белу свету, снабжая деньгами других, сам же простаивал на холодном ветру в промозглые петербургские вечера, ожидая трамвая после затянувшегося заседания в Географическом обществе. Не думавший о деньгах, когда они были нужны другим, к себе наш профессор относился сурово...”

Тимашев сообщает, что известный одесский климатолог Клоссовский был изгнан из университета по соображениям политическим. Работы найти не мог, нуждался. Александр Иванович немедленно послал Клоссовскому заказы на статьи для “Метеорологического вестника”... “Опальный ученый стал регулярно получать гонорар от журнала, хотя многие его статьи из-за отсутствия места света не увидели. Клоссовский не знал, что гонорар нередко посылал ему Александр Иванович из собственных средств... Кошелек его был открыт всем нуждающимся. После его смерти выяснилось, что во время Первой мировой войны Воейков пожертвовал в пользу беженцев крупную сумму: 3500 рублей. Это были его личные сбережения от гонораров и профессорского жалования, доходами от имения профессор не пользовался давно...”

А на себя старался тратить как можно меньше, экономил, где только мог... В 1908 году Александр Иванович взял с

собой на конгресс в Женеву мою двадцатилетнюю мать: считал, что молодежь должна путешествовать как можно больше. Мать вспоминает: “Возвращаясь с конгресса, мы с дядей ехали из Берлина в купе третьего класса. Все восемь мест были заняты, и какой-то толстый немец, заснув, все сползал на мое плечо. Увидев, что я чуть не плачу, дядя на русской границе кинулся брать билеты первого класса. Вернулся озадаченный: «Странно! Билеты стоили тридцать восемь рублей, я дал сто, а вернули мне всего три рубля!» – «Ах, дядя! Ты всю сдачу потерял по дороге или забыл в кассе!» Я заставила дядюшку вернуться в кассу, пошла вместе с ним, но потерянных денег мы так и не обнаружили”.

Так оборачивались попытки этого человека прибегать к разумной экономии...

Он объездил весь мир. За редкими исключениями путешествовал на свой счет. Говорил: “Кто ездит не на казенных лошадях, тот ни в чем не зависит от правительства и может многое увидеть”. Был он основоположником еще одной отрасли науки в России – курортной климатологии. На заседании Русского общества охраны народного здоровья спрашивал: “Что бы подумали о враче, предписывающем лекарство, состав которого ему точно не известен? А посылая больных в то или другое место для климатического лечения, не имея точных сведений о климате этого места, не поступают ли врачи таким образом?” Доказал, что кавказские курорты и

летом, и поздней осенью обладают климатом для лечения более благоприятным, чем самые прославленные швейцарские климатические станции, а климат русской равнины куда полезнее для здоровья, чем сырое и прохладное лето многих западногерманских курортов. На Черноморском побережье Воейков интересовался Геленджиком и Джубгой и писал: “Живя в Джубге, я занимался любимым делом – рубкой деревьев и кустарников для проложения тропинок. Приходилось вдаваться в самую чащу леса, и, однако, нигде не было запаха гнили... Эта местность от окрестностей Геленджика до окрестностей Туапсе имеет большую будущность для дачной жизни и морских купаний”.

А ему, когда он рубил деревья и кустарники, продираясь сквозь чащу леса, было уже за шестьдесят. Очки свои с длинными дужками, вероятно, снимал, прятал в карман, замахивался топором, рубил, отирал рукавом пот с высокого, еще лысиной увеличенного лба, а в глазах детская радость от близости к природе, от физического труда, от сознания нужности своего дела и оттого, что все это умеет, и даже надвинувшаяся старость пока еще не помеха... Я думаю, он был счастливым человеком.

Было у него обыкновение записывать самое существенное из того, что им сделано за день. “Открываем наугад записи, относящиеся к ноябрю 1911 года, – читаю я у Тимашева. – Трудно поверить, что Воейкову было тогда шестьдесят девять лет: столько темперамента, напряженного труда скры-

то за лаконичными пометками... То он занят сложнейшими вычислениями, то читает лекции (иногда по две в день). В дневнике мы находим упоминания о написанных им для русских и иностранных журналов статьях на самые разнообразные темы. Здесь же отметка о переговорах с министерством земледелия, посвященных составлению климатических карт азиатской России. Несмотря на огромную занятость, он находит часы для конспектирования иностранных журналов, просмотра чужих исследований... Вот, например, сохранившийся план работы Воейкова на 1909–1910 годы. Тут исследования о севере России, об Урале и Байкале, о «колебаниях магнита», о климате Бельгии и т. п... До глубокой старости Александр Иванович продолжал изучать курорты, выбирать местности, пригодные для устройства лечебных заведений. В последние годы жизни большая часть путешествий была предпринята Воейковым именно для этой цели”.

Состоял в нескольких ученых обществах, заседал, писал, читал лекции, вел переговоры, путешествовал (самая большая его радость – впервые увидеть незнакомую дотоле местность!), с головой был погружен в свою науку. А людей видел, был к ним внимателен, все вокруг себя замечал – иным будет его старший племянник Александр Дмитриевич, о нем речь пойдет ниже...

По свидетельству моей матери, бабушка Ольга Александровна, “обремененная заботами о доме, об имении, об асфальтовом заводе в Батраках, была скорее холодна с детьми,

во всяком случае, лишних похвал мы от нее не слышали...”. Видимо, таковы были принципы воспитания Ольги Александровны, не в “обремененности” дело, Александр Иванович обременен был еще больше, однако на похвалы, на ласку щедр. “Я была однажды очень тронута, услышав, как дядя рассказывает своим друзьям о том, как я замечательно ходила по Альпам, преодолевая трудности Мовэ Па на склоне Монблана”.

Александр Иванович постоянно приглядывался к племянникам (когда успевал?), старался усвоить, кто из них к чему проявляет способности, а усвоив, помогал способности развивать.

Старший из племянников, Александр, одновременно с занятиями в университете пробыл, по настоянию дяди, семестр в Берлине, изучая там ботанику и биологию. За второго, Павла, будущего правоведа, Александр Иванович девять лет вносил 800 рублей в год в Александровский лицей. Третий, Дмитрий, учился в Петербургском горном институте, а также в Саксонии, в знаменитой Фрайбергской академии. Моя мать, четвертая из детей, была склонна к наукам гуманитарным, способна к иностранным языкам. Услышав о ее желании заниматься переводами, дядюшка немедленно выписывает ей английские и американские журналы, испытывает ее, поручая перевести то-то и то-то... А затем Александр Иванович, не терпевший никакого дилетантства, никакого любительства, решает отправить племянницу в Эдин-

бургский университет. Но шел 1906 год. Моя мать увлекалась политикой, кадетской партией, Первой думой и не хотела уезжать из Петербурга. Вместо Эдинбургского университета – Бестужевские курсы. Там мать занималась эпохой итальянского Возрождения и была все-таки отправлена дядюшкой в Италию... Двум младшим детям Ивану и Марье (оба будущие агрономы) тоже было дано прекрасное образование.

Жизнь семьи складывалась так (страницы из воспоминаний моей матери): “К шести вечера мы собирались домой к обеду. Кроме нас и наших учителей присутствовали дядины коллеги, приезжие географы с разных концов России. Бывали и заграничные гости. Среди гостей дядюшки я помню Максима Ковалевского, Нансена, Советова, Шокальского, Шпиндлера, Маркграфа... Думаю, что приезжих поражала спартанская простота нашего дома. Особенно скромным был кабинет профессора. После его серьезной болезни две северные комнаты, им занимаемые, сменили на одну восточную. Мебель там была самая простая: огромный (не письменный) стол, на котором было удобно раскладывать географические карты, скромное венское кресло. Маленький диван и кресло орехового дерева, ранее стоявшие в его кабинете, в новую комнату не вместились. Не помню уж, куда он усаживал своих именитых гостей. А они, быть может, сравнивали эту комнату, эту обстановку со своими комфортабельными кабинетами и – удивлялись. Но полагаю, что ин-

тересные беседы профессора, обладавшего феноменальной памятью и умением делать неожиданные выводы, заставляли забывать о спартанском убранстве кабинета, о скромном меню обеда... Дяде было безразлично, кто перед ним – учитель географии из провинциального российского городка или заграничное светило науки: и с тем, и с другим дядюшка общался совершенно одинаково. Он очень любил делиться знаниями с теми, кто его наукой интересовался, и неизменно награждал уходящего гостя каким-нибудь своим произведением, чаще всего оттиском из журнала, иногда не на метеорологическую тему, а на изыскания чисто практического характера... Летом, а бывало и зимой, дядя нередко уезжал в длительные путешествия по России и часто бывал за границей. После посещения Кавказа с профессором Харьковского университета А. Н. Красновым Александр Иванович открыл, что в Грузии можно культивировать китайский чай... Я еще была в гимназии, когда в Петербурге заговорили о грузинском чае, и очень возгордилась, когда наш учитель географии П. Ф. Обломков сообщил классу, что А. И. Воейков положил начало новой культуре на Кавказе..."

На международном конгрессе в Женеве, сидя на местах для публики, моя мать услышала, как перешептываются ее соседи, называя друг другу имена здесь присутствующих светил географической науки: "А вон тот слева – знаменитый русский профессор Воейков!" Боже мой, как хотелось моей матери, чтобы эти люди узнали, что знаменитый про-

фессор – ее дядя, что она не просто так барышня-курсистка, каких много в зале, а вот родная племянница известного русского ученого... Так ничего, разумеется, и не сказала, но полагаю, что суетными мыслями о том, как бы дать знать присутствующим о своем родстве с Воейковым, и была занята некоторое время юная голова моей матери... Итак: гордилась. Но уже назавтра – стыдилась.

Назавтра был назначен парадный прием для участников конгресса, но ни для каких приемов Александр Иванович своего привычного костюма менять не собирался. “С ужасом я глядела на потрепанную соломенную шляпу дядюшки, на галстук, завязанный неумело, кое-как (перевязала!), на эти гигиенические туфли с дырочками, но других у дядюшки не было. Особенно мне стало тяжело, когда я увидела Юлия Михайловича Шокальского, близкого друга дяди, явившегося за ним. Элегантный костюм, белоснежный платочек в кармане, новая шляпа-панاما, безукоризненные перчатки. Контраст во внешности этих двух ученых ну просто убил меня тогда!”

(Мать в своих записках добавляет, что Воейков и Шокальский были в родстве друг с другом. Александр Иванович был правнуком, а Юлий Михайлович праправнуком тверского помещика Марка Полторацкого, имевшего двадцать детей, – портрет его кисти Левицкого находится в ленинградском Русском музее.)

“Дядина манера одеваться смущала нас, – пишет моя

мать, — мы не понимали, что как в науке, так и в своем отношении к здоровью он был на много лет впереди своего времени. Ведь мы тогда играли в теннис в длинных платьях, в блузках с закрытыми воротничками. Братья и живя в деревне ходили в гости к соседям в накрахмаленных кителях. Александру Ивановичу это казалось ненужным, вредным. Носил какие-то рубашки из сетки, гигиенические туфли с дырочками, накидки вместо пальто, а летом старался, как только возможно, сбросить одежду и принимать воздушные ванны. В Самайкине ночевал в маленьком, специально для него построенном доме без четвертой стены, чтобы всю ночь наслаждаться свежим воздухом сада. Часто уходил далеко в лес, гулял там без одежды, а бывали случаи, что натыкался на баб, собиравших грибы, и они бежали от него с воплями, приняв за лешего... А однажды няня, увидев на садовой скамье одежду Александра Ивановича, решила, что кто-то эти вещи забыл, хотела отнести их в дом и вскрикнула не своим голосом, увидев бежавшего к ней из осинника голого, в одних трусах, профессора... Шляпу надевал в редких случаях... В то время мало кто занимался гимнастикой, и всем казалось диким, что старый профессор играет в мяч в гостиной...”

Александр Иванович часто высказывался против одежды европейцев, непроницаемой для света и воздуха. В парках шикарных курортов появлялся в удобном легком костюме, каких тогда никто не носил. Гуляющие кидали на профессо-

ра изумленные взгляды, перешептывались осуждающе... На даче в Финляндии Александр Иванович принимал солнечные ванны, чего тогда тоже никто не делал и что тоже укрепляло за ученым репутацию чудака...

“Был он последовательным вегетарианцем, – пишет моя мать, – а последние восемнадцать лет своей жизни даже яиц не ел. Вообще предпочитал сырую пищу – ягоды, фрукты, в его холодной спальне всегда стоял ящик с сушеными абрикосами, яблоками, урюком, изюмом... К окружающим был терпим и, хотя, посмеиваясь, называл нас трупоедами, вкусов своих не навязывал, скромно ел за общим обедом свою непритязательную пищу и детски радовался, когда на столе появлялось какое-нибудь из его любимых горячих вегетарианских блюд. Потирал руки, смеялся: «Бобы! Как славно!»

Куда понятнее казался нам другой наш дядя, брат матери, пензенский вице-губернатор А. А. Толстой. Приезжая в Петербург, он прямо из гостиницы являлся к нам, но от приглашений отобедать неизменно отказывался: «Нет уж, Ольга, знаю я эти манные каши, я лучше к Дону поеду!» Както мне очень захотелось оставить завтракать нашего дачного соседа, тогда совсем молодого Михаила Леонидовича Лозинского. Но случилось так, что мы с дядей были в доме одни, ничего доброго от завтрака ждать не приходилось. «Попросила бы я вас остаться, – сказала я Михаилу Леонидовичу, – но боюсь, что на завтрак у нас только печеная репа!»

–«*Tout mon repas consiste de deux repas*»², – немедленно отозвался Лозинский: он был славен среди друзей своими стихотворными экспромтами...

(Следует добавить, что позже он стал славен на всю страну своими стихами и переводами, среди которых “Божественная комедия” Данте.)

Остер, находчив: мгновенно обыграл сходное звучание русского слова “ре́па” и французского “репа́”. Этим, вероятно, еще больше покорила мою мать, питавшую нежные чувства к молодому поэту, о чем я узнала лишь после ее смерти, из дневников ее... Итак: сказал блестящий экспромт, поклонился и ушел домой завтракать. А моя бедная мать грустно глядела ему вслед (чем удержать его?) и, кто знает, быть может, мысленно роптала на доброго дядюшку с его бобами, репами, гигиеническими туфлями и прочими странностями... О, разумеется, другой дядя, пензенский вице-губернатор, ездивший обедать к Донону, куда был понятнее, куда легче вписывался в окружающий пейзаж...

“Увы, – сознается моя мать, – редко мы гордились дядюшкой профессором. Чаще стыдились его манеры одеваться, его чудачеств, его отступлений от «хорошего тона». А у него привычки хорошего воспитания были заложены с детства вместе с безукоризненным знанием иностранных языков. Но у нас, молодых, был свой взгляд на правила хорошего тона. Однажды в Петербург приехали шведские уче-

---

² Вся моя еда состоит из двух реп (*фр.*).

ные и, не застав профессора в городе, отправились на дачу в Финляндию. Надо было гостей угостить, а в доме не оказалось чистой скатерти. Я вышла из затруднения, постелив на стол белоснежную канвовую простыню. Каков же был мой ужас, когда дядя за дружеским чаепитием, посмеиваясь, сообщил маститым ученым, что на столе – простыня! Я решила, что мы опозорены навек, и позже стала упрекать Александра Ивановича: «Ах, дядя! Ну как ты мог?» Очень смутился. Всегда смущался, слыша наши: «Ах, дядя!..»

...Брат Павел с лицейским приятелем стояли однажды на балконе петербургской квартиры. Приятель сказал: «Воейков! Гляди, какой странный тип идет!» А то шел наш дядя в своей размахайке, без шапки, со связкой книг под мышкой. Павел быстро увел приятеля в свою комнату, не дав встретиться с Александром Ивановичем. Мы потом долго дразнили Павлика, что он отрекся от родного дяди. Но боюсь, что на его месте и мы поступили бы так же!”

Вот моя мать едет с дядюшкой из Берлина уже в вагоне первого класса – это после того, как профессор потерял сдачу. “В купе кроме нас был только один пассажир, англичанин, ехавший в Россию впервые. Мы с ним разговорились о берлинских музеях, о Мюнхенской пинакотеке, я рассказывала об Эрмитаже, англичанин слушал заинтересованно, и все было бы прекрасно, если бы не дядюшка. Его странный костюм, его поведение угнетали меня. Он вытащил из сумки свою еду – орехи, чернослив, винные ягоды, жевал, спле-

вывал косточки в какой-то бумажный мешочек, на лице ясность, довольство, покой. Я старалась в его сторону не глядеть...”

Подозреваю, что моя мать, как и брат ее Павел, мысленно от дядюшки отрекалась. Делала вид, что этот чудаковатый старик со своими фруктами и бумажным мешочком просто случайный сосед, не имеющий отношения к ней, такой миленькой, такой интеллигентной, знавшей толк в музеях и пинакотеках воспитанной барышне... Речь зашла об Италии, где мать еще не бывала, и англичанин воскликнул: “Как, вы не видели Рима? Счастливая. Вам это еще предстоит!” И тут Александр Иванович, сплюнув косточку, на своем прекрасном английском языке вернул, что племяннице его многое предстоит еще в жизни увидеть. Ведь она в Индии не бывала, а Индия... И стал говорить об Индии. Элегантный англичанин уже через минуту подпал под обаяние чудаковатого старика, забросал его вопросами и в разговоре с ним совершенно забыл о существовании такой миленькой, такой интеллигентной и воспитанной племянницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.